

Александр Егоров

Меч та те лди

Александр Альбертович Егоров

Мечтатели

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69293368

А. Егоров. Мечтатели: ООО «Издательство Альбус корвус»; Москва;

2023

ISBN 978-5-00114-160-0

Аннотация

Лето, Питер. Денис – парень с суровой Канонерки, из его окон открывается вид на Морской канал и портовые краны; девушка Таня с мамой-учительницей живет в старинном доме на Петроградской стороне, и в их квартире – вечно гаснущие лампочки, скрипучий паркет и таинственный шкаф. Денис работает курьером и не верит ни в какие тайны, Таня сочиняет роман-фэнтези о волшебном острове и бедной принцессе, так похожей на нее. Эти двое вообще не должны были встречаться – и все же они встретились! Но трогательный рассказ о первой любви внезапно превращается в экшн, полный опасностей, тревог, смертельных обид и неожиданных признаний. Да, и еще: это очень личная история. Иногда слишком личная.

Александр Егоров родился в Петербурге. С 17 лет успел побывать журналистом, редактором, звукорежиссером, директором рекламного агентства и много еще кем. Играл в рок-группе. Умеет водить трамвай, сочинять песни и многое

другое тоже. Но больше всего он любит придумывать героев и их приключения. Самый первый его текст – «Колеса фортуны» – вышел в 2007 году. В 2014 сборник «Максим и Марсик» стал победителем конкурса «Новая Детская Книга» в номинации «Волшебный фонарь». Роман «Мечтатели» – самый новый и самый необычный.

Содержание

Часть 1

6

Конец ознакомительного фрагмента.

82

Александр Егоров

Мечтатели

© Александр Егоров, 2021

© Татьяна Кормер, обложка, 2022

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2023

* * *

Часть 1

Я очень люблю последние дни апреля, когда высыхают лужи и можно ходить не глядя под ноги. А если поднять глаза, увидишь сразу много интересных вещей: портовые краны на той стороне канала, буксиры у пристани, вагоны с углем и желтый автобус возле самого нашего подъезда.

У него на боку – телереклама:

ПОВЕЗЕТ!

новый сезон

Если задрать голову еще выше, то увидишь бетонные опоры скоростной трассы, утыканной крючками фонарных столбов, и солнечные блики на стеклянных щитах. Виадук висит над нашим островом, как сказочный хрустальный мост, но до него не долезть и не допрыгнуть. Ни один автобус туда не повезет. Даже чайки не залетают так высоко.

Хрустальный звон раздается в моем кармане. Это пишет Стас, мой друг:

«Ты о чем там думаешь?»

Так сразу и не ответишь, о чем я думаю. Ну вот, например, о новом сезоне на нашем острове. Для меня он семнадцатый. Для Стаса – восемнадцатый, и все идет к тому, что следующий сезон он пропустит.

За последние лет десять мы слишком привыкли друг к другу. И все равно без него будет тоскливо. Кроме Стаса, у меня друзей нет.

«Да так, – пишу я. – О жизни».

«Заканчивай. Еще успеешь. Пойдем лучше на пароход смотреть».

«Это правильная мысль».

Я выхожу из подъезда. Делаю музыку погромче и поднимаю воротник. Свежий ветер дует с залива, и пахнет морем. Климат у нас петербургский. Как бы вам это описать, чтобы вы поняли? В куртке запаришься, без нее задубеешь. Вот такая у нас весна.

Вы уже догадались: я живу на Канонерке. Это самый суровый район Питера. От других суровых районов он отделен Морским каналом. Дальше к западу – только Финский залив и веселый остров Кронштадт, а за ним – открытое море.

Каждый день у меня под окном проплывают корабли. Это самоходные баржи с номерами вместо имен; это балкеры и контейнеровозы – длинные скучные грузовые посудины; наконец, это громадные белые пассажирские паромы высотой с девятиэтажный дом, под разноцветными флагами. Весной их особенно много. Одни выходят в море и плывут в Финляндию, и в Стокгольм, и в Гамбург, и в прочие неизвестные мне города. Другие идут к нам и швартуются в порту, или у Морского фасада, или прямо у стенки на Английской набережной. Они проплывают так близко, что можно разглядеть

лица людей на прогулочных палубах.

Раз в неделю ходит паром до Стокгольма. Часам к семи на нашем берегу собираются зрители – не меньше десятка, а то и больше, если вечер теплый. Мы со Стасом выходим тоже. Можно сказать, что у нас абонемент на все вечерние сеансы.

Пассажиры как раз выбираются из кают – полюбоваться заходящим солнцем. Они фотографируют огненно-рыжее небо, виадук скоростной трассы, одинаковые серые шестнадцатизэтажки, мужиков с удочками и нас, пока мы провожаем их взглядами, делая вид, что нам все равно.

Но мы только делаем вид.

Это очень странное чувство. Я попробую объяснить.

Когда ты живешь на острове, то не можешь не думать о море. Каждое воскресенье этот чертов пароход наматывает твои мысли на свой винт, и в голове становится пусто и скучно. Он вытягивает кусок твоей жизни – и всякий раз обещает, что вернет. Он уходит, а ты остаешься ни с чем.

Это все равно как если однажды весной ты снял шапку, вынул наушники и вдруг понял, что твоя музыка продолжает играть где-то поблизости, но все удаляется и удаляется, и стихает. И тебя охватывает серый шум города.

В панике ты вставляешь наушники, но музыки больше нет.

Наверно, вы решили, что я завидую этим людям на прогулочных палубах?

Не совсем так.

Мне нравится наш остров, и этот морской ветер, и сонные буксиры, и удушливый запах солярки в тоннеле, по которому идет автобус до центра. Мне нравится квартира на девятом этаже, с видом на портовые краны. Отец говорит, что Канары – депрессивный район, и здешняя недвижимость год от года лишь дешевет, а этот хрустальный мост уже сидит у него в печенках. Хотелось бы знать, зачем тогда он выходит поздно вечером на балкон и даже не курит, а просто сидит на табуретке и смотрит на фонари, и на темную воду, и на корабли, как они идут один за другим мимо нашего дома?

Как-то раз, давно, я спросил его об этом. Он не рассердился. Усмехнулся и сказал, что больше всего любит смотреть, как жизнь проплывает мимо. «Но ведь это они плывут мимо нашей жизни», – возразил я, и тут он рассмеялся и не стал больше ничего объяснять.

В те годы еще не было скоростной дороги над нашим островом, этой странной дороги, на которую нельзя подняться, а можно только смотреть снизу вверх. Потом ее построили, и отец стал смеяться все реже. И шутки у него стали несмешные.

Я бы не рассказывал об этом, но иначе вы не поймете, почему я не люблю оставаться дома. Особенно по выходным.
– Привет, – сказал мне Стас.

Мы уселись на скамейку у остановки. Желтый автобус уехал, вокруг было безлюдно. Солнце клонилось к закату. Западный ветер гнал мелкие скучные волны с залива. Я по-

ежился.

– Пиво я не брал, – сказал Стас. – Или надо было взять?

– Не надо. Но спасибо за вопрос.

Он знает, что я это не люблю. Он вообще все обо мне знает. Просто ему с некоторых пор свободно продают всякие напитки в нашем свинячем «Пятачке». Наверно, провожают заранее.

– Повестку принесли, – проговорил Стас, глядя куда-то мимо. – Бросили в почтовый ящик. Она там три дня пролежала. Ну что за идиоты.

– Отец говорил, это незаконно, – сказал я. – Ты должен сам принять и расписаться.

Стас сплюнул.

– Неделя осталась, – сказал он. – В следующий понедельник на сборный пункт. Так что контрольный заплыв отменяется.

Это он про осенний чемпионат по плаванию. Стас – кандидат во взрослую сборную, но в военкомате про это и слышать не хотят.

– Может, тогда за пивасом? – предложил я благородно.

– Да ладно, так посидим, – ответил он. – Скоро пароход притащится. Мне Кристиночка уже написала: от терминала отошел.

Так зовут его девушку. Впрочем, она своя собственная девушка, а совсем не его. Мы вместе учились, но в последних классах она переехала на континент.

– Кристиночка плывет в круиз? – уточнил я. – Без тебя?
Спросил и тут же пожалел об этом.

– С подругой, – отвечал Стас ровно. – У подруги бойфренд в Швеции. Вот они туда и едут. Развлекься.

Стас далеко не такой бесчувственный, каким всю жизнь хочет казаться. Ревностью никого не удивишь, но у Стаса за душой есть еще кое-что. Я бы сказал, любовь и нежность. И то и другое остается невостребованным.

Он бы, наверно, согласился продать душу дьяволу, или кому там полагается продавать душу, за одну хорошую любовь до гроба. Но получается, что эту душу он отдает за просто так.

– Крыска смешная такая, – Стас не выдерживает и улыбается. – Обещала меня сфотать с восьмой палубы. У нее зеркалка с длинным объективом...

Тут он приглаживает волосы – тоже длинные и по-шведски светлые. Недолго им осталось. Это я о его волосах.

– Скажи честно, Денис, – говорит он, – как ты думаешь... у нас еще может получиться?

– Почему нет, – отвечаю. – Бывают же чудеса.

Денис – это я. Денис Брусникин. Я стригусь довольно коротко. Верю ли я в чудеса? Трудно сказать. Со мной никогда не происходило ничего волшебного или необъяснимого. Я даже не влюблялся ни разу. Ну, то есть не влюблялся до такой степени, чтобы не мог это объяснить.

Лучше сказать так: я легко допускаю возможность, что

однажды вся моя жизнь сумасшедшим образом поменяется. Уже который год я жду чего-то от ленивого мироздания. Можно назвать это и чудом, хотя термин неточный.

Каждый день я думаю: может, это случится завтра?

По каналу пробежал черный буксир. В небе заметались чайки. Слева, на входе в канал, уже появилась высоченная остроносая белая коробка – тот самый паром.

Мы поднялись со скамьи и спустились к воде. Там было грязно. Пахло илом и соляжкой. Полупустой баллон из-под пива важно покачивался неподалеку от берега. Стас запустил в него камушком и попал.

– Вот так гасить мы будем шведа, – пробормотал он. Наверно, в ответ своим мыслям.

Ровный гул приближался. Как зачарованный, я глядел навстречу парому. На его белоснежный нос, трубу и на окна рулевой рубки – ряд прямоугольных стекол на уровне девятого этажа. Мне никогда не удавалось рассмотреть, кто же управляет этим судном. Издалека было ничего не разобрать, а когда паром подходил поближе, смотреть было слишком высоко.

Я незаметно сунул руку под куртку и прижал к груди. Это была странная привычка. Я никогда ни в кого не верил, но иногда мне хотелось в кого-нибудь верить. Этому кому-то я сказал бы, или поклялся, или пообещал бы одну простую вещь. Когда-нибудь, а лучше – поскорее, – так я сказал бы, – я буду стоять на прогулочной палубе вот такого же парохо-

да с девушкой, которая меня любит. Я буду греть ее руки в своих ладонях. Мы проплывем мимо нашего острова, мимо каменистой косы, мимо кронштадтского терминала в открытое море и будем стоять на ветру, пока не надоеет, а потом вернемся в каюту.

Что будет дальше, я представлял очень живо, хотя и не так отчетливо.

Паром очень резво плывет мимо. Что-то я не вижу никакой Кристинки среди туристов на восьмой палубе. Ах да, она же с фотоаппаратом.

На всякий случай я машу рукой в чей-то наглый объектив. Стас приглаживает волосы и глупо улыбается. Ему хочется, чтобы его любили, только и всего. Он мой лучший друг, думаю я, но не успеваю сказать это вслух.

– Дениска, ты чего тут болтаешься? – слышу я знакомый голос сзади.

Я оборачиваюсь.

– Посмотрел свой «Титаник» – и домой, – говорит папа твердо. – Привет, Станислав. Прощайся с другом. Я его сейчас эвакуирую.

– А что случилось? – спрашиваю я.

– Ничего особенного. Мать свяжется по «Скайпу» в полдевятого. Так что сегодня у нас вечерний сеанс ностальгии... даже не вздумай отказываться.

Стас все еще улыбается. Деликатно и по-дружески. Он все понимает. А мне немного не по себе. Я-то думал, что мне

вполне удастся роль взрослого циника. Но уже в который раз выходит, что это не так.

Мама третий год живет в городе Сан-Диего, Калифорния, с новым мужем по имени Джейк. Наверно, он хороший парень, хотя и толстый. А отец плохой и безответственный. Жизнь проплывает мимо, а он даже не пытается ее догнать. А еще он любит меня, такого же бездельника.

Наверное, поэтому я с ним.

* * *

В понедельник утром мне позвонили с работы.

Работа у меня серьезная. Я – часть международной мафии сетевых контрабандистов. Смотрите сами: мои наушники круглосуточно подключены к телефону. А телефон подключен к офису. В офисе сидит администратор Игорь Трескунов по прозвищу Скунс. Он подключен к portalу интернет-магазина, где продается дорогое электронное барахло неясного происхождения, растаможенное под видом детских игрушек и канцелярских принадлежностей. Случается, люди это покупают. Тогда Трескунов выходит из режима ожидания, протирает очки, принимает заказ и набирает номер службы доставки. То есть – мой.

Номер Трескунова не опознается – так положено, чтобы недовольные клиенты не названивали в контору. Но его голос ни с чьим не спутаешь.

– Проверка связи, – услышал я в этот раз. – Брусникин, ты жив? Лети срочно в офис. Есть дело на миллион.

Дело на миллион – обычная трескотня Скунса. Не стоит воспринимать всерьез. Однако игнорить тоже не стоит. Скунс – животное вредное.

– Выезжаю, – пообещал я.

Будить отца не хотелось. Я приготовил себе яичницу. Обжигаясь, выпил кофе и надел куртку.

Скоро желтый автобус уже вез меня через темный тоннель на Гутуевский остров, мимо таможенных складов и бывших заводских корпусов из серого кирпича. В одном из таких корпусов за высоким забором и притаилась наша фирма.

Автобус выпустил меня на свободу, взревел и пополз прочь, оставляя шлейф весенней пыли. Показав пропуск хмурому охраннику на проходной, я двинулся наискосок через широченный двор.

Луи высохли, солнце жарило по-летнему. Я даже слегка взмок, пока взбирался по лестнице на пятый этаж.

Держать офис на пятом этаже неудобно, зато дешево.

Игорек Трескунов встретил меня лучезарной улыбкой, будто и вправду был рад встрече. Но я давно знал: он улыбается, только если пахнет наживой. У него рефлекс крокодила.

И еще он очень болтливый. Ну, это вы уже поняли.

– Есть клиент, – сообщил Скунс. – Клиент, о котором можно только мечтать. Дениска, ты же любишь мечтать?

– В основном о премиальных.

– Тогда сегодня твой день. Короче, звонит по городскому одна юная девица. Ей нужен смартфон. Модель не волнует. Цена не волнует. Но надо, чтобы непременно с голосовым управлением. А голос у нее, прошу отметить, такой расслабленный, – тут Игорек изобразил жестами загадочную фигуру. – Короче, гламурная киса. Видел я таких. Им пальцами лень в экран тыкать, маникюр мешает...

Скунс даже языком прищелкнул. Я попробовал представить, где и когда он мог видеть подобных девиц.

– Так вот: я ее развел по максимуму, – продолжал он. – Предложил яблофон последней модели. Море гламура. Короче, отвезешь, включишь, настроишь, налик заберешь. А повезет, так еще чем поможешь... ты не теряйся...

– Показывай адрес, – прервал я его.

– Смотри. Это Петроградка. Нажористое место.

Он говорил еще что-то, но я не особо слушал. Забрал коробку и поехал.

Минут через сорок я вылез из метро на Петроградской. Передо мной по узкому проспекту двигался нескончаемый поток машин. Петроградка – тоже остров, но совсем не похожий на наш. Он крепко врос корнями в остальной город. Морем здесь и не пахнет. Зато воняет табачным дымом и пережаренным маслом из «Макдональдса».

Я достал телефон, привычно сориентировался, спустился в переход и пошел по солнечной стороне проспекта, глаза

на дом с башнями и другие старинные здания, не менее причудливые. Прошел мимо сквера, где модно одетые парни катались на досках. Прошел мимо громадного дома с гранитными колоннами, с внутренним двором, уставленным черными мерседесами на красивых литых дисках, как в автосалоне. Глянул на карту: цель была близко.

Все же Игорек кое в чем ошибся. В доме нашей клиентки не было ни подземной парковки, ни прозрачного лифта. Вместо всего этого я увидел обшарпанный подъезд с облетевшей штукатуркой и высокими гранитными ступеньками. Как будто их специально сделали, чтобы труднее было входить.

Отворив тяжелую старинную дверь, покрытую миллионом слоев грязно-коричневой краски, я задержался перед другой – обычной, железной. Набрал две цифры на домофоне.

Прошла минута или две, прежде чем мне ответили. То, что я услышал из динамика, слегка озадачило:

– Алло? – раздалось оттуда.

Я вспомнил, о чем говорил Трескунов.

Юная девица с расслабленным голосом.

– Это курьер, – сказал я в домофон. – Привез вам заказ.

– Прошу прощения, – отозвалась девица. – Я не ждала вас так скоро.

– Может, я не вовремя? – уточнил я не без сарказма.

– А сколько сейчас времени?

«Хьюстон, у нас проблемы», – решил я. Вслух же сказал:
– Полпервого. Вы дверь-то откроете?

– Сейчас, сейчас, – голос стал слышен хуже, будто вздорная девица отвлеклась на покраску ногтей. – Сейчас. Все время теряю кнопку.

«Что за...» – успел подумать я, но тут коротко пропищал сигнал, и дверь поддалась.

Этажи в этом доме были вдвое выше обычных, а пролеты лестниц – такие широкие, что по ним проехал бы внедорожник средних размеров. Стоит ли говорить, что нужная квартира оказалась на последнем этаже? Я в очередной раз пожалел, что надел утром куртку, но тут лестница наконец кончилась. Я стоял у двери. Дверь была приоткрыта. За дверью никого не было.

«Что за...» – подумал я вторично.

В прихожей пахло старой одеждой и чем-то приторно-сладким, как если бы когда-то давно здесь разбили банку с вареньем. Огромный старинный шкаф громоздился справа от двери, и первое, что я сделал в этой квартире, – приложился к нему боком. Шкаф даже не дрогнул.

– Проходите налево, – произнес уже знакомый голос.

– Где у вас свет включается? – спросил я.

– Ах да. Посмотрите впереди, на стене.

Сделав несколько шагов в полутьме, я ощупал стену перед собой – ту самую, на которой у нормальных людей висит зеркало, – и отыскал выключатель. Желтый шар под потол-

ком коротко мигнул и засветился болезненно-ярким светом. Я увидел отслоившиеся обои и – вместо зеркала – картину на стене. Картина была не простая: медный лист, на котором кто-то не слишком умело отчеканил голую женщину с неестественно длинными ногами. Эти ноги она сложила наподобие ножниц, а сама манерно откинула голову. Кажется, она сидела на песке у самого моря. Заходящее медное солнце было похоже на половинку блина.

Больше я ничего не рассмотрел, потому что лампочка вдруг вспыхнула и погасла.

– Прошу вас снять обувь, – снова раздался голос. – Мама очень ругается, если в дом приносят грязь.

Я снял кеды и поставил в сторонке, хотя тут же понял, что на обратном пути я их не найду.

Осторожно ступая по скрипучим половицам, я пошел в ту сторону, откуда слышался голос.

Девушка сидела за столом, застеленным белой скатертью, как на известной картине Серова. В высоком окне за ее спиной виднелись верхушки деревьев. Солнце светило мне в лицо, и я старался смотреть в сторону. В стороне вдоль стены были расставлены шкафы, набитые потрепанными книгами. Еще там висели часы с маятником, похожие на большой застекленный скворечник. Часы мирно тикали. Только сейчас я понял, как тихо в этом доме.

Девушка первой нарушила молчание:

– Присаживайтесь. Вам не холодно в носках?

– Они теплые, – соврал я.

– Только не посадите занозу. Паркет очень старый.

Я уже ничему не удивлялся. Я рассматривал ее платье. Домашнее, ситцевое, в горошек. Длинные светлые волосы она небрежно спрятала под заколку.

На меня она не смотрела. Так и сидела опустив глаза. Ей было лет восемнадцать, не больше. И еще она была очень симпатичная. Я давно не видел таких симпатичных девушек... так близко.

Может быть, поэтому я сказал максимально сухо:

– Я привез ваш заказ. Оплата наличными.

Она расцепила пальцы. В ладошках у нее были зажаты деньги. Несколько пятитысячных бумажек, свернутых едва ли не в трубочку. Она разгладила деньги на столе.

– Вот, – сказала она. – Этого должно хватить.

Я смотрел, не отрываясь, на ее пальцы. И еще сам не понимал почему. Потом протянул руку, чтобы пересчитать деньги, – но тут случилось странное. Одним неловким движением она легонько прижала мою руку к столу, словно хотела поймать. Но вместо этого просто провела подушечками пальцев по тыльной стороне моей ладони. Тогда я понял.

Моя рука так и осталась лежать на пятитысячных бумажках, будто ее выключили.

– Вы... плохо видите? – спросил я.

– Я практически ничего не вижу. Уже семь лет.

Она даже не изменилась в лице. Только подняла на меня

глаза. Они были темные, большие, но – как бы объяснить? – слишком отстраненные. В них не было жизни. Только усталость.

– Это называется «дистрофия сетчатки». Я еще различаю кое-что... свет и тень, силуэты предметов... Ваш силуэт тоже вижу. На большее и не рассчитывайте.

– Теперь понятно, – пробормотал я.

– Мне не нужно понимание. Извините. Мне нужен только мой заказ.

– Ах да...

Я достал коробку. Не удержался и спросил:

– Если не секрет, зачем вам такой телефон? То есть, я хотел сказать... почему именно такой?

– Мне, в общем, все равно, – призналась девушка. – Ваш менеджер предложил. Я в этом не разбираюсь. Мне нужно, чтобы он включался по голосу. И еще... чтобы я могла диктовать ему... что-нибудь...

– Что диктовать? – не понял я.

– Ну... свои мысли. И чтобы он мог их записывать с моих слов в виде текста. Я, знаете ли, мечтаю написать настоящую книгу... Я понимаю, звучит смешно... но больше мне все равно заняться нечем.

Она очень мило улыбнулась. Все-таки сволочь этот Скунс, подумал я.

И почему-то вновь спросил – очень вежливо:

– Про что же будет книга?

Девушка еще больше смутилась.

– Вы не смейтесь. Это такое фэнтези. Для девочек. О том, как жила одна принцесса... и у нее в замке был огромный старинный шкаф.

Я потер бок.

– В детстве она любила там прятаться от всех. И вот однажды обнаружила, что это не просто шкаф, а дверь в другой мир...

– Портал, – подсказал я.

– Вот именно... и тогда она попадала на волшебный остров Мечтания... Так он назывался. Принцесса часто гуляла там, потом возвращалась.

– Остров Мечтания? А чем она там занималась, на этом острове?

– Я не знаю. Еще не придумала. Там должны быть львы, единороги... драконы...

– Надо сочинить какую-то историю. Иначе непонятно, с чего ее туда так тянуло.

– Ее не тянуло. Просто она... могла там видеть. В своем мире она была незрячей.

Я вздохнул.

– Я уже решила, что конец будет хороший, – сказала она. – Появляется принц на белом коне, целует принцессу, и она исцеляется... Осталось написать все остальное.

– Может, лучше сразу про принца написать? Чего ждать-то?

– Вот видите, и вам смешно, – сказала она. – Не надо было рассказывать. Все это очень глупо.

– Почему глупо? Совсем наоборот.

– Просто вы меня жалеете. Меня все жалеют. Даже врачи.

– Почему же, – сказал я не очень-то искренне. – Наверно, у вас получится интересная книга. Можно еще сделать аудиовариант...

– Тогда, может быть, я поскорее заберу телефон? – перебила она. – Мама скоро вернется. Боюсь, она будет недовольна. Она не знает, что у меня есть деньги.

– А кто ваша мама?

– Она учитель. Русского и литературы. Правда, уже на пенсии. Ей приходится подрабатывать, мы же вдвоем живем... но она старается вернуться пораньше, чтобы я не сидела дома одна... в час дня должна прийти.

В эту минуту часы на стене негромко захрипели и как-то меланхолично ударили: «бим-бом».

– Они отстают, – заметил я.

– Я знаю. Им лет сто. У нас все очень старое.

– Вы сможете подписать счет? – спросил я. – Вот тут... и вот тут.

Мне пришлось взять ее руку в свою, чтобы она смогла расписаться. Я еще никогда не проделывал таких манипуляций с клиентами. Было... очень необычно.

– Спасибо вам, – сказала она. – Спасибо, что не смеялись. Я так волновалась... нагородила всякой ерунды... не удив-

ляйтесь. К нам ведь даже гости никогда не ходят.

Она даже слегка покраснела от волнения. Тогда я сказал:

– Я... я могу приехать завтра. Вам будет сложно разобраться с настройками...

Солнце заливало комнату, и было видно, как воздухе летает пыль. Эта девушка смотрела... да, я так и оставляю это слово: смотрела – прямо на меня. И смущенно улыбалась.

– Да, мне будет сложно, – сказала она. – Если... вас не затруднит...

В прихожей коротко пикнул сигнал домофона.

– Это мама, – сказала девушка, изменившись в лице. – Вам лучше уйти. Скорее, пожалуйста.

Честно говоря, я и сам хотел избежать лишних вопросов. Не забыв прибрать деньги, я выскочил в темную прихожую. Лампочка не горела. Я нащупал куртку и поскорее надел. Согнулся и принялся шарить по полу. Нашел один кед, а второй не нашел.

Тут я услышал, как в замке наружной двери поворачивается ключ.

– Ч-черт, – прошептал я.

Наугад вытянул руку, схватил второй кед и вторично врезался в темный шкаф – на этот раз левым боком. Этим самым боком я ощутил, что из дверцы шкафа торчит металлический ключик. Я взялся за него, отворил дверцу и нырнул внутрь в тот самый момент, когда входная дверь распахнулась.

Шкаф был огромен. Держа кеды в руках, я затаился в самой глубине, между чьей-то древней колючей шубой и зимним пальто.

– Дочка, это я, – послышался голос. – У нас все в порядке?

– Все хорошо, мама.

Послышались шаги. Щелкнул бесполезный выключатель.

Еще раз и еще.

– Ты знаешь, дочь, у нас перегорела лампочка! Хорошая советская лампочка! Неужели придется покупать эту современную дрянь?

Голос был как у всех старых училок – и даже хуже. Кажется, говорившей было все равно, слушают ее или нет.

Выходить мне совсем не хотелось.

– Новые лампочки более экономичные, мама, – донеслось из комнаты.

Половицы проскрипели рядом со мной. Кажется, мать снимала уличный плащ.

– В новых лампочках масса вредных веществ. Они загрязняют окружающую среду. Кстати, почему у нас открыт шкаф? Я помню, что он был заперт. Я же лично захлопнула дверцу перед уходом.

Я замер. Шубы и пальто зашевелились, и в шкафу стало теснее. Плащ повис прямо перед моим носом. Я мало знал о вредных веществах, но в этом шкафу воняло какой-то адской химией. Больше всего на свете мне хотелось чихнуть.

– Шкаф открыт потому, что я проветривала твою шубу, –

сказала девушка, и я удивился и обрадовался. – Хорошо бы упрятать ее в полиэтиленовый мешок. Зима-то кончилась.

– Ты у меня помощница, – успокоилась мать. – Может быть, займемся прямо сейчас, пока не забыли?

Я перестал дышать.

– Нет, мама. Сделаем это после обеда. Очень хочется кушать.

– Хорошо, – ответила мать. – Только перестань говорить слово «кушать». Это не слишком культурно, когда имеешь в виду себя. Надо говорить: я... хочу... есть!

Тут она с недюжинной силой захлопнула дверцу шкафа. А потом повернула ключик в замке.

От неожиданности я все же чихнул – прямо в этот вонючий плащ. Учительница ничего не заметила. Продолжая что-то говорить, она проследовала вдаль по коридору – на кухню.

Несколько минут я сидел в тесноте, темноте и духоте. Потом толкнул дверь плечом. Дверь не поддавалась.

Я нахмурился.

Наверно, нужно было просто позвонить. Прямо из шкафа. Но тогда у девушки возникли бы серьезные неприятности. А мне не хотелось, чтобы ее вздорная мамаша учинила допрос.

С другой стороны, разве это мои проблемы? – думал я. Она даже не сказала, как ее зовут. Или я не спросил?

Мне было жарко. В ушах шумело. Перед глазами вертелись какие-то оранжевые круги. Наверно, химия уже действовала.

Я достал телефон и включил фонарик. Темнота обрела форму: оказывается, я удачно поместился между кошмарной бурой шубой (в ней хорошо впадать в спячку, подумал я) и длинным пальто из прошлого века. Над моей головой на длинной деревянной штанге висели пустые деревянные плечики, похожие на чьи-то хорошо высушенные ребра. Я осветил фонариком в глубину и рассмотрел стенку из темных, плотно пригнанных друг к другу дощечек. Этому шкафу было, наверно, лет сто.

Я протянул руку и уперся в стену. Нет, выход в другой мир не хотел открываться.

Зато дверца шкафа с легким скрипом распахнулась.

– Вы здесь? – вполголоса спросила девушка. – Выходите... только тихо...

Я не заставил себя упрашивать.

– Вы уже поняли, – сказала она негромко. – Это не портал. Просто старый душный шкаф. И принцессы из меня не вышло.

Я стоял в полутьме на холодном полу и смотрел на нее. Я силился понять, шутит ли она.

– А теперь идите.

Я пошевелил пальцами ног – в носках.

– Кеды там остались.

Она приоткрыла дверцу, нагнулась и извлекла мои кеды – сразу оба. Я поскорее взял их в руки, боясь снова потерять. А она вдруг снова задержала мою руку в своей. И легонько

провела пальцами вверх, до запястья. Было приятно.

– Все равно спасибо вам, – сказала она. – Страшно даже представить, что было бы, если...

Вдалеке хлопнула дверь, и послышался голос матери – непривычно ласковый:

– Танечка! Иди уже мыть руки и кушать!

– Меня зовут, – сказала Таня.

– А меня зовут... Денис. Денис Брусникин.

– Очень приятно... только поспешите. Если я не отзываюсь, мама приходит за мной. Она очень беспокоится. Я открою вам дверь, вы сами не справитесь с этим замком...

Вот так, в носках и с кедами под мышкой, я стоял на залитой солнцем лестничной площадке, на холодных кафельных плитках. Плитки были старинные, белые, разделенные по углам крохотными синими ромбиками.

На часах было лишь полвторого. Как же много событий уместилось в шестьдесят минут, подумал я.

В задумчивости я достал из кармана деньги. Пересчитал. Спрятал получше.

Спустился на пролет ниже, уселся на высокий холодный каменный подоконник и принялся зашнуровывать кеды. Потом спрыгнул на пол и пошел вниз по широченной лестнице, все ускоряясь. И последний этаж пробежал уже вприпрыжку.

Теперь отвезти деньги в офис – и обратно на остров.

– То есть ты даже ее не сфоткал? – спросил Стас.

– Не до того было.

– Да я понимаю... то есть не понимаю, конечно... говоришь, она красивая?

– Ничего я не говорю...

Мы снова сидели на остановке возле моего дома. Парома в этот вечер не ожидалось, но на канале кипела жизнь. Три самоходные баржи с гранитным щебнем одна за другой прошли в порт, а потом за ними проплыл деловитый буксир-толкач, похожий на старый ботинок с задранном носом.

Буксир нагнал волну, и чайки еще долго кружили над водой, по привычке высматривая что-то интересное. Хотя я знал, что эти гордые птицы уже давно кормятся на городских свалках, но все равно верил, что они мечтают об открытом море.

Кажется, Стас думал о том же. Он посопел носом, сплюнул и сказал:

– Если честно, я завидую. Настоящая романтика. Со мной такого никогда не случалось.

Я покачал головой.

– Ничего и не случилось. Она меня даже не видела. И вряд ли увидит.

– Неважно, – сказал Стас. – Бывает любовь и без первого

взгляда. Просто любовь, и все.

Я хотел возразить. Но почему-то не решился.

Когда я пришел домой, отец сидел на диване и смотрел новости. Впрочем, я знал, что ему все равно, что смотреть. Он просто убивает время всеми доступными способами – этот еще из самых безвредных.

– Привет, – сказал я.

Отец улыбнулся.

– Дениска, у тебя странный вид, – сказал он, прищурившись. – Может быть, ты влюбился?

«Да что же это такое сегодня», – подумал я. А вслух сказал:

– Если бы я влюбился, меня бы здесь не было.

Отец не поверил.

– Даже смертельно влюбленный мужчина не сможет отрицать пельмени на кухне, – сказал он. – Любовь, знаешь ли, приходит и уходит. А кушать хочется всегда.

– Да, я пойду поем, папа, – ответил я. – А кстати: ты согласен, что про себя самого нельзя говорить «кушаю»?

– Про себя – нельзя. Про меня – запросто, – отозвался отец.

– То есть слова «кушаю» не существует? Но ведь оно есть, раз я его говорю?

– Ты чертов софист. Неужели вас на работе учат нейролингвистическому программированию?

– Еще и не тому учат. Кстати, о работе. Скажи мне одну

вещь, и я уйду: когда девушка держит тебя за руку... вот так... что она хочет этим сказать?

– Хочет проверить твой пульс – учащенный или нет? Я же говорю, ты влюбился. Срочно съешь что-нибудь.

Мне стало смешно. Отец, как всегда, был прав.

– Я все понял, папа, – сказал я, улыбаясь. – Пойду приму белков и углеводов. Завтра буду в порядке.

Ночью, лежа в постели, я попробовал вспомнить Танино лицо. Вспомнил только, как она улыбалась, а больше ничего. Если я встречу ее на улице, то могу и не узнать, подумал я. Разве можно узнать человека по улыбке?

Хотя почему нет. Можно. Если, например, ты в него влюбился. Совсем неожиданно и без объяснений.

Интересно, думал я, что она там пишет в своей книге?

* * *

Принцессу разбудил бой часов на башне.

Так всегда бывало по утрам. Тяжелый однообразный звон проникал сквозь окна спальни – стрельчатые, с цветными стеклами в свинцовых рамах. В ту же минуту первый солнечный луч заглядывал в комнату, и пылинки принимались плясать над широкой кроватью. Этот весенний луч приносил беспокойство. Он был нескромным и навязчивым. Он грел нос принцессы, заставлял розоветь щеки и трепетать ресницы. Он ждал, что делающая-вид-что-

спит девчонка вот-вот откроет глаза и улыбнется разноцветным солнечным зайчикам, которых он заботливо развесил по стенам.

Но такого давно не случалось. Принцесса больше не могла видеть свет. Для чего же тогда просыпаться каждое утро? Для чего покидать мир снов – беззаботных и красочных, как в детстве?

Несчастливая принцесса спрятала голову под подушку. Удалось укрыться от света, но не от времени: бронзовый гул настигал всюду.

С последним ударом часов она поднялась и села на постели.

Она хмурилась. Она куталась в лоскутное одеяло.

Она хотела вспомнить, что ей снилось. Но картинки ускользали, бледнели, растворялись в дневной темноте. Это было печальнее всего. Чей-то голос еще звучал, дружеский и приветливый, незнакомый мальчишеский голос, и она не имела ни малейшего понятия, кому бы он мог принадлежать. Он звал ее с собой, обратно в сон – и не дозволялся.

За дверью послышались шаги. Кто-то взялся за ручку. Принцесса поспешно опустила босые ноги на соломенную циновку. Оправила рубашку, откинула назад свои прекрасные золотистые волосы. Тот, кто стоял за дверью, деликатно подождал – так было заведено, – а затем дверь отворилась.

– Доброе утро, Хлоя, – услышала принцесса свое имя. И ответила с улыбкой:

– Доброе утро, мама.

Королева приблизилась. Села рядом. Предложила дочери миску с теплой водой – умыться.

– Как тебе спалось, моя дорогая? – осведомилась она. – У тебя усталый вид.

– Спасибо, мама. Превосходно. Я не устаю от сновидений. Но это гадкое солнце светит прямо в глаза.

– Если хочешь, я прикажу занавесить окна.

– Не нужно. Боюсь, так будет еще грустнее.

– Не грусти. Мне больно, когда ты грустишь.

С этими словами королева погладила склоненную голову дочери. Поцеловала ее в лоб.

– Любовь моя, – сказала она.

Принцесса робко улыбнулась. Тогда королева помогла ей скинуть рубашку и примерить новое платье, которое она сшила собственноручно из тонкого льняного полотна. Пока дочь одевалась, зябко поеживаясь, мать помимо воли оглядела ее с ног до головы. Бедная малютка, думала она. Ведь это ее шестнадцатая весна – даже самой не верится, – уже шестнадцатая. Бедняжка расцветает с каждым днем, как нежная роза в заброшенном саду. Она даже не знает, как она прекрасна. И сказать некому.

– Платье тебе впору, – оценила королева. – Повернись... кажется, я забыла вынуть булавку...

– Спасибо, мама. Булавка добавила бы пикантности. Особенно если на нее сесть.

– Как я люблю твои шутки... тебе нужно их записывать.

Получится веселая книга.

– Не желаю никого веселить. Впрочем, мне скоро сделают дощечки для письма. Такие небольшие восковые таблички. Я буду вычерчивать на них буквы. А если писать крупно, я смогу даже читать.

– Интересно. Кто же придумал такое чудо?

Принцесса поздно поняла, что проговорила.

– Не сердись, мама, – сказала она. – Это один мой друг... из деревни... если помнишь, в детстве я сама научила его читать и писать.

– Уж не тот ли пастушок Дафнис, олух царя небесного?

– Да, мама. Он.

Королева с трудом скрыла свое раздражение.

– Слов нет, полезное знакомство. Третьего дня я встретила его на кухне. Он с аппетитом уплетал наш копченый окорок... даже за ушами трещало... Кстати, чего бы тебе хотелось на завтрак?

– Мне все равно, мама. Я с удовольствием скушаю все, что мне предложат.

Тут королева не смогла удержаться и прочла принцессе нотацию:

– Ты же знаешь, милая, как это неприлично – говорить «кушаю» о себе. Так говорят вилланы, когда хотят казаться господами.

– Простые счастливые люди, – заметила дочка. – Гово-

рят как хотят, ходят где пожелают.

– Вот и ходили бы подальше от нас. У простолюдинов и сеньоров дороги разные. Пусть наш дом и беден, но все же это королевский замок.

– Да, мама. Воистину так. Если позволишь, я погуляю одна, пока не накрыли на стол.

– Конечно, дочка. Это даже полезно в твоем возрасте.

– Говоришь ли ты о прогулках или об одиночестве? – не удержалась принцесса, но тут же опустила ресницы. – Прости, мама. Я не хотела тебя обидеть.

Она погладила руку королевы. Та рассеянно сжала ее пальцы. По ее лицу было трудно понять, о чем она думает. Впрочем, принцесса этого лица и не видела.

– Жду тебя к завтраку через полчаса, – сказала наконец королева. – Но прошу тебя не выходить во двор. Не заставляй меня высылать на поиски всю прислугу, как в прошлый раз.

– Но и ты, мама, не следи за мной. Я все равно услышу.

Королева со вздохом поднялась. Вместе с миской скрылась за дверью. Дождавшись, пока ее шаги стихнут в одном из отдаленных коридоров, принцесса подошла к окну. Прислушалась. Со двора доносилось лошадиное ржание и грубые голоса. Где-то густо хрюкала свинья и повизгивали веселые поросята. Каркая, пролетела ворона – надо полагать, устроила себе гнездо где-то под крышей башни.

Замок был не бедным – он был нищим. Только эти ка-

менные стены, пожалуй, и напоминали о королевском величии. Все земли вокруг давно были отданы соседям за долги и вилланам – на откуп. Получалось, теперь крестьяне терпели бывших господ лишь из милости, да еще в память о короле-отце. Старик Ричард не отличался львиным сердцем, и премудрый Господь призвал его к себе ровно в тот день, когда он устроил пир по случаю десятилетия дочери, Хлои. Ричард отбыл в мир иной не с мечом в руке, но с кубком, прямо во время заздравной речи. Злые языки уверяли, что оттого-то дочка и начала вскоре слепнуть.

Поскольку наследника-мальчика у Ричарда не было, окрестные короли слетелись, как те вороны, и поделили его владения по справедливости. Даже старинную мебель из замка – ту, что подороже – забрали в счет долгов и вывезли в различных направлениях. Королевский трон из шарантского дуба с изысканной резьбой, мягкие кресла, обитые теллячьей кожей, удивительный круглый стол, как у приснопамятного Артура, но поменьше, – все забрали соседи.

От былой роскоши остался только черный дубовый шкаф высотой в полтора человеческих роста. Он громоздился в темном углу нижнего яруса башины – едва ли не с того дня, когда замок покинул последний каменщик. Про этот шкаф говорили разное. Уверяли, что в нем хранится старая горностаевая мантия Ричарда Первого, изрядно побитая молью, а сверх того – платья золотой парчи, цены немалой (хотя никто ни мантии, ни платьев своими глаза-

ми не видел). Говорили также, что непосредственно в шкафу начинается подземный ход, ведущий за стены замка к самой реке. Но свидетелей опять-таки не нашлось. Наконец, иные мечтатели уверяли, что шкаф на самом деле вовсе не шкаф, а дверь в давно потерянный мир, в Эдемский сад, совсем такой, каким он был в первые дни творения – ни больше ни меньше. И что такие двери по сей день сохранились кое-где на земле, но доступны лишь избранным.

Занятно было вот что: иные гости, посещая вдову по долговым тягсбам, не раз проходили в шаге от шкафа – но словно бы его не замечали. Так и стоял он в стороне от людских глаз, запертый на замок, а ключа никто не видел уже много лет.

Принцесса Хлоя не без осторожности присела на массивный дубовый подоконник. В узкой нише под ним нащупала спрятанный там ключ, кованого железа, размером с полладони. Еще раз прислушалась: не прячется ли кто за дверью? – и, укрыв ключ в рукаве, покинула спальню.

Казалось, в своей вечной темноте она видит путеводный свет – так легко и уверенно находила она дорогу в коридорах замка. Понятно, что эта легкость была следствием привычки. За пределами дома принцесса Хлоя становилась несчастной слепой девушкой – на свою беду, слишком привлекательной, чтобы без опаски гулять в одиночестве. О природе этой опасности Хлоя знала лишь понаслышке, однако старалась не искушать судьбу. Как уже говорилось, в поме-

щениях замка она чувствовала себя как рыба в воде, пусть это сравнение и покажется читателю несколько расплывчатым.

Итак, принцесса вооружилась ключом и отправилась прочь из спальни. Если бы кто-то проследил за нею сейчас, то сразу понял бы, куда она идет. Спустившись по винтовой лестнице в галерею, она остановилась перед старым шкафом.

Помедлив, вставила ключ в замочную скважину.

Ключ повернулся с неожиданной легкостью. Раздался тихий звон, как если бы серебряные молоточки пробежались по бронзовым пластинам, и широкие двери – словно сами по себе – отворились.

В шкафу было темно и пусто. Сладко пахло сандаловым деревом и мышами. Должно быть, принцесса и не ожидала ничего там найти. Ловко и уверенно, как если бы делала это не впервые, она вытащила ключ из замка, шагнула внутрь (не забыв приподнять краешек платья) и неслышно прикрыла за собой двери.

Тьма темнее самой черной ночи охватила ее. Но, как мы знаем, принцесса Хлоя не боялась темноты. Сжимая ключ в руке, она терпеливо ждала.

И чудо случилось: в задней стенке шкафа, которой полагалось бы вплотную прижиматься к сплошной каменной кладке башни, вдруг возникло крохотное отверстие – и ослепительный луч света вырвался оттуда и прорезал темно-

ту. Тогда-то принцесса и улыбнулась в первый раз за все утро. Протянула руку с ключом точно туда, откуда шел свет.

Замок щелкнул, и дверь отворилась наружу. Она выходила вовсе не в каменный двор-колодец, как можно было бы предположить, и даже не на речной склон у стен башни, и даже не на изумрудные луга за рекой, на которых вилланы пасли своих овец. Ничуть не бывало.

За дверью открылся удивительный вид, непривычный для здешних мест. Там было много солнца и моря; был пустынный берег и пальмы; ленивые волны с шумом накатывались и отступали, пузырясь в полосе прибоя; на песчаной отмели сохла перевернутая лодка. За спиной же зрителя (если бы он догадался оглянуться) тянулись горные склоны, поросшие буйным лесом, а на вершине самой высокой горы скорее угадывалась, чем виднелась, белая колоннада прекрасного дворца.

Это был остров Мечтания.

Вы уже поняли: мы не в силах даже близко описать, что увидела в этой волшебной стране принцесса Хлоя, когда к ней вернулось зрение. Мы только знаем, что она еще долго стояла на пороге дивного мира, не решаясь сделать шаг.

Она смотрела вокруг и не могла наглядеться. Только прикрывала глаза от солнца ладошкой, чтобы вновь не ослепнуть. Узнавала знакомые места – и не могла их узнать.

Наконец она решилась. Скинула домашние туфли и сдела-

ла несколько шагов по теплomu песку. Оглянулась: никакой двери за ее спиной больше не было. Не было ни малейшего намека на дверь.

Принцесса снова улыбнулась. Решительно хлопнула в ладоши.

– Сириус! – позвала она.

* * *

Утром я стоял возле дома вчерашней клиентки (теперь у нее было имя: Таня). В двадцать первый раз нажимал кнопки домофона. После двух минут натужного писка тот отключался, приходилось набирать номер снова. Все впустую.

Время от времени я набирал городской номер, записанный на моей бумажке. Никто не брал трубку.

Наконец железная дверь подъезда со скрипом отворилась. Оттуда выглянул пенсионер с палкой и тележкой на колесах, внимательно осмотрел меня и протиснулся мимо. У него были длинные седые всклокоченные волосы, как у безумного профессора из голливудских фильмов. Боком он спустился с гранитной ступеньки, подхватил тележку (я придержал ему дверь) и пошел прочь, стуча палкой.

Но я уже проник внутрь.

В подъезде было тихо и прохладно. Стараясь не спешить, я поднялся на последний этаж. Мое сердце стучало ровно и даже не дало ни единого сбоя, когда я увидел, что дверь

Таниной квартиры приоткрыта.

Звонить или нет? – подумал я – и звонить не стал. Просто вошел.

К удивительным старинным запахам прихожей добавился запах горелого воска, как в церкви. Было так же темно, как и вчера, если не темнее. Я задумался: конечно, в квартире кто-то был. Кто-то ведь отпер дверь. Кто-то был здесь, и (я прислушался) совсем рядом. Только боялся в этом признаться.

– Таня, – позвал я негромко.

От темной стены темного шкафа отделилась темная фигура.

– Вы приехали, – сказала она Таниным голосом. – Я держала дверь открытой.

– Почему?

– У нас отключилось электричество. Ничего не работает, даже звонок. Вчера мама залезла на стремянку, чтобы поменять лампочку, потом что-то щелкнуло, и все отключилось.

– Вчера-а?

– Вчера вечером. Мы ужинали при свечах. Очень может быть, со стороны это выглядело красиво. Но потом потек холодильник, и пришлось всю ночь вытирать лужи... Утром мама пошла на работу, а я приоткрыла дверь – думала, вдруг вы придете...

Я слушал ее и даже не знал, чего мне хочется больше: сердиться или смеяться. Мне еще никогда не приходилось видеть таких удивительных девушек. Я не знал, как себя с ни-

ми вести. Я рассмеялся. Она отступила назад.

– Я сама знаю, что это смешно, – сказала она. – Но вы не смейтесь. Моя мама уже пожилая... ей трудно забираться на стремянку... а я... я же не могу ей помочь.

В это мгновение мне стало ужасно стыдно.

– А еще я подумала, что вот если вы не приедете, то это будет самое смешное, что со мной было за всю жизнь. Сидеть все утро с открытой дверью и ждать... смешно, правда?

– Но я же вернулся, – сказал я виновато.

Кажется, Таня улыбнулась в темноте.

– Значит, я просто вела себя глупо, – сказала она. – Со мной такое случается.

– Со мной тоже, – признал я.

– Теперь все прошло. Я больше не буду жаловаться. Только холодильник... такая мерзкая вещь. Кажется, он до сих пор течет. Хотя и пустой.

– Кстати, где у вас электрический щиток? – спросил я.

Через минуту автомат на щитке был включен (было слышно, как на кухне проснулся и ровно зарокотал холодильник). Новая лампочка отыскалась на кухне и заняла свое место под потолком. Когда стало светло, я рассмотрел медную картину на стене и заметил, что девушка у моря чем-то похожа на Таню. Хотя по возрасту, наверное, годилась ей в матери: картина вся потемнела от времени.

Таня как будто догадалась, куда я смотрю.

– Это старая советская чеканка, – пояснила она. – Не

знаю, зачем ее купили. В детстве я ее потихоньку снимала, царапала, стучала по ней пальцами – она такая... приятная. Выпуклая. Я имею в виду, картина, а не эта тетка... – Тут Таня слегка смутилась, и это показалось мне милым. – Мама все равно сердилась. Но потом, когда я стала... хуже видеть... она разрешила мне трогать что угодно. Но это было уже неинтересно.

Украдкой я поковырял картину ногтем.

– Оставьте ее, – улыбнулась Таня. – Давайте лучше займемся настройками. Да, и не забудьте снять обувь!

Я не буду долго рассказывать о своей работе, это неинтересно. Скажу только, что мы подключились к сети почти без проблем. Для пробы звонили друг другу. Таня гладила экранчик пальцами и так радостно улыбалась, что я тоже обрадовался. Она почти сразу научилась работать с голосовым помощником. Чтобы привыкнуть, мы записывали разные мысли и потом заставляли систему воспроизводить их вслух. Когда автоматический голос зачитывал текст, мы, как говорится, покатывались со смеху. Я забыл сказать: все это время Таня сидела на диване (весьма ветхом, как и все в этой квартире), а я в одних носках разгуливал по комнате, иногда подсаживаясь, чтобы помочь. Тогда она брала меня за руку, чтобы не потерять, и это было приятнее всего. Незаметно летело время, и вот что я вам скажу: это время не убивалось, как всегда бывало раньше, а как будто рождалось из ничего прямо в этой комнате. И мне очень хотелось, чтобы его ро-

дилось как можно больше.

Потом часы на стене, поскрипев, отбили двенадцать, а потом на Петропавловке громыхнула полуденная пушка, вороны за окном взлетели с деревьев и, немного покружив, распустились обратно.

– Мама скоро вернется, – сказала тогда Таня. – У нее сегодня всего три урока. Я очень рада, что вы пришли... Денис.

Так она впервые назвала мое имя.

– Я тоже рад, Таня, – ответил я.

– Мама говорит, что мне нужны друзья... Только у меня нет друзей. И подруг тоже. Как бы это сказать... они есть, но мы давно с ними не встречались... я ведь в основном училась дома, и поэтому...

– Ничего, – сказал я, притворяясь равнодушным. – Надо просто завести страничку «ВКонтакте». Я научу...

– А вы... еще придете?

– Это моя работа, – сказал я, чтобы она еще немного посмеялась.

Я уже летел вниз по лестнице, пропуская по две ступени и цепляясь за перила на поворотах, когда внизу грохнула железная дверь. Отчего-то я сразу понял, кто там. Резко затормозил и придал себе самый серьезный вид, на какой был способен.

Танина мать была самой настоящей учительницей из советского фильма. В нелепой юбке и с неопишуемой прической. Вдобавок она носила очки с толстыми стеклами.

Сквозь эти очки она смерила меня очень, очень подозрительным взглядом. Я был уверен, что сейчас она спросит: «А вы, молодой человек, к кому?» Я постарался разойтись с ней на широком лестничном пролете, и это почти получилось.

– А вы, молодой человек, к кому? – спросила она у моей спины.

Я остановился. В подъезде было всего восемь квартир, вариантов для вранья существовало немного. Поэтому я решил сочинить талантливую правду.

– Аварийная служба, – отвечал я сиплым басом. – Нам сообщили, что в подъезде проблемы с электричеством. Мы уже устранили поломку.

Училка поверила. Но не успокоилась.

– Вы очень долго ее устранили! – заявила она. – У нас со вчерашнего вечера не было света. Представляете? С вечера! Нет, нет, даже не пытайтесь уйти. Сейчас мы поднимемся в мою квартиру, и я удостоверюсь, что вы меня не обманываете.

– С удовольствием, – отозвался я. И на этот раз не соврал. А сам уже поднимался вслед за ней по ступенькам, обратно на четвертый этаж.

Приблизившись к двери, училка достала из сумки связку из двух громадных ключей. Сперва отперла один замок, потом нажала на плоский ключ-ригель – и дверь отворилась.

В прихожей горел свет. Я же сам и оставил его включенным.

– Как видите, электричество есть, – констатировал мнимый мастер.

– Да, вы правы! – отозвалась училка. – Можете идти!

– Спасибо за разрешение, – сказал я. – Только вот что... объясните, почему случилась авария? Вероятно, вы вносили самовольные изменения в схему... э-э... электроснабжения?

Что-то подобное я слышал на наших тренингах. Такие фразы задвигали наши менеджеры, когда покупатели пытались вернуть им некачественный товар.

– Мы ничего не вносили! – возмутилась училка. – Перегорела лампочка, и я пыталась ввернуть новую. Вероятно, она была бракованная! Она хрустнула в меня в руке. Эти новые лампы...

– Мама, с кем ты там разговариваешь? – услышал я Танин голос.

– С электриком, дочка!

– Ах, с электриком!

Тут она вышла из комнаты. В ту минуту мне как никогда захотелось, чтобы она меня видела. Потом я заметил, что она тоже надела очки – с дымчатыми стеклами. При мне стеснялась?

Очки ее совершенно не портили.

– Конечно, с электриком, – сказал я. – А с кем же еще.

Таня беззвучно смеялась. Мать ничего не замечала.

– Да, молодой человек из аварийной службы, – представила она меня своим хорошо поставленным учительским голо-

сом. – Он подозревает нас в том, что мы сами устроили эту техногенную катастрофу. Кстати, как вас зовут?

Вот к этому вопросу я не готовился.

– Леопольд, – выдал я. – Леопольд Иванович.

– Ну, допустим, – не сдавалась училка. – Я давно ничему не удивляюсь. Мы привыкли, что все недостатки в работе коммунальных служб списываются на самих жильцов. Но это не значит, что...

– Неважно, – прервал я ее речь. – Главное, что все в порядке. Если в будущем такое повторится, просто позвоните по мобильному.

– Я им не пользуюсь! – заявила училка.

– А надо пользоваться! – сказал я нагло (Таня прислонилась к стене и только головой покачала). – И я попросил бы вас оставаться на связи в ближайшее время! Мало ли что может случиться. Первые дни – они самые критические!

Тут Таня притворно зажала уши руками.

– Хватит, хватит! – сказала она. – Мама, не волнуйся. Я умею обращаться с телефоном. Если у нас перегорит холодильник, я обязательно позвоню Леопольду Ивановичу.

Мать посмотрела поверх очков сперва на нее, потом на меня.

– Что-то вы здесь мутите, молодые люди, – сказала она вдруг. – Кажется, вы держите меня за тупую реликтовую развалину. Отлично. Только давайте договоримся: если случится авария, Леопольд Иванович лично будет на нашей кухне

выжимать мокрые тряпки. Идет?

Мне оставалось только кивнуть. И не рассмеяться.

– Тогда до свиданья, – сказала мать нелюбезно.

Я присел на краешек скамейки в сквере, чтобы получше завязать шнурки, когда в наушниках послышался сигнал вызова.

– Привет, – сказал Танин голос.

Я очень обрадовался. В который раз за этот день. Не знаю почему.

– У тебя все получилось? – спросил я. По телефону очень просто перейти на «ты».

– Спасибо тебе, – сказала Таня.

– Да не за что.

– У меня в телефоне только твой номер. Смешно, да?

Я пошевелил ногами в кедах. Шнурки были крепко завязаны.

– Позвони еще кому-нибудь, – посоветовал я. – У тебя же есть голосовой помощник.

– Я понимаю. Но мне хотелось тебя услышать.

Я поднялся со скамейки. Снова сел.

– Мне тоже, – сказал я.

– Просто у тебя красивый голос. Те, кто... плохо видит... обращают на это внимание.

По дорожке мимо меня прокатился чертов скейтер. Он взлетел на гранитный бортик, проехался и кое-как вернулся обратно на трассу.

– Прости, тут шумно, – сказал я.

– Значит, ты в нашем скверике? Ты видишь мое окно?

Я пригляделся. Высоко за деревьями пряталось несколько окон. В одном я заметил светлую фигуру. Фигура помахала мне рукой.

– Ты мне машешь, – сказал я.

– Даже сама себе не верю. Никогда еще не делала таких глупостей.

Фигура изменила форму: кажется, она уселась на подоконник.

– Смотри не свались, – сказал я заботливо.

– Ты как моя мама. Она каждый день проверяет, не раскрывала ли я окно. Боится, что простужусь.

– Кстати, где она?

– На кухне. Не нарядуетя на холодильник. Как же весело ты придумал с этим... электриком... как его... Леопольд Иванович?

– Так точно, – пробасил я. – А что, хозяйка, с проводкой все в порядке? Когда перегорит, сразу дайте знать. Электричество – это вам не туда-сюда!

Кажется, Таня развеселилась.

– Обязуюсь докладывать каждый день, – самым честным голосом пообещала она. – Кстати, может быть, вас это заинтересует... Вчера что-то случилось с нашим шкафом... там что-то было... внутри... – Таня понизила голос. – Возможно, там завелись пришельцы?

– Очень интересно! – подхватил я. – Очень! Я немедленно передам в Хьюстон. Надеюсь, контакт с пришельцами состоялся?

– Увы, контакт был очень недолгим. Пришельцы улетели. Но обещали вернуться...

– Главное – не теряйте их из виду... – начал я и запнулся. Таня перестала смеяться.

– Прости, – сказал я.

– Ты тут ни при чем, – сказала она. – Я и сама иногда забываю, что... мне не стоит так себя вести. Это бессмысленно... Нужно вернуться в реальность. Точнее, в инвалидность.

– Не говори так.

– Мама все еще на кухне. Скоро придет. Уже приглашала мыть руки.

– Как ты думаешь, она нас не спалила? – спросил я.

– Ты боишься?

– У тебя могут быть неприятности.

– Теперь пусть будут...

Я поднялся со своей скамейки. Прошелся по дорожке. Как несправедливо устроена жизнь, думал я. Вы больше всего хотите видеть друг друга – и никогда не увидите.

Нет, не так. Я не увижу, как она улыбается, когда видит меня.

– Можно к тебе приехать завтра? – спросил я.

Таня что-то сказала очень тихо, я не расслышал. Еще один скейтер разбежался, набрал скорость, взмахнул руками

и вскочил на гранитный парапет. Прокатился и спрыгнул.

– Таня, – позвал я.

– Ты мне очень нравишься, – повторила она. – Если это тебе не нужно, прости. Я отключаюсь.

* * *

– Как же я соскучилась по тебе, друг мой Сириус, – говорила принцесса Хлоя. – А ты скучал? Скажи, скучал?

Но огромный лев только сопел, жмурился и норовил потереться башкой о ее руку. Льву очень нравилось, когда ему грошили гриву. Он был молчаливым, этот добряк Сириус, по одной веской причине: он не умел говорить.

Зато многочисленные эльфы и сильфиды болтали без умолку, треща стрекозиными крыльшками. «Мы-то, мы-то ждали тебя, принцесса, – уверяли они. – Без тебя здесь холодно, холодно, холодно... тебя не было целую вечность, вечность...»

Иногда Хлоя пыталась понять, что случается с Мечтанием, когда она запирает дверцы шкафа. А что, если кто-то еще бывает здесь? Какая-нибудь другая принцесса? И этой другой принцессе, а не ей, лев Сириус кладет голову на колени?

Думать об этом было неприятно.

За спиной раздался мерный стук копыт, и она оглянулась. Белоснежный единорог выскочил из зарослей и замер в

десяти шагах, красуюсь. Витой рог на его лбу сиял на солнце, как будто был отлит из золота. А может, так оно и было.

– Здравствуй, милый Нексус, – сказала принцесса. – Я рада, что ты не забыл дорогу на этот берег.

Единорог учтиво поклонился. Тихонько заржал. Он тоже не говорил по-человечески, хотя был на редкость смышлен и понятлив.

– Мы все тебе рады, рады, рады, – щебетали эльфы. – Оставайся с нами, принцесса. Оставайся навсегда. Мы протанцуем день и ночь, день и ночь. Будет весело, весело, весело!

– Я не могу, – грустно сказала Хлоя. – Не могу остаться с вами. Вы же это знаете, мои маленькие друзья. Расскажите лучше, как вы жили тут без меня?

Но эльфы и сильфиды не отвечали, а возможно, и не слушали. Они кружили вокруг с радостным писком, и их чудесные платья из шелковой паутины искрились на солнце.

Как вдруг что-то случилось. Летучий народец словно ветром сдуло; единорог поднялся на дыбы, испуганно заржал и умчался прочь; и только бесстрашный лев поднял голову, но не тронулся с места. Он внимательно следил за новым гостем.

Гигантский змей спускался с горы. Его мускулистое чешуйчатое тело то казалось абсолютно черным, то отливало синим и зеленым на изгибах. Змей был крылат, но летать не хотел – а может быть, просто никуда не торо-

пился. Перепончатые крылья он сложил на спине, и в таком виде они стали похожи на капюшон странствующего монаха-францисканца. Его голова была немногим меньше львиной, желтые глаза светились недобрый светом.

Наконец он протащил свои кольца по каменистому склону и остановился. Обратил немигающий взгляд на принцессу.

– Здравствуй, Хлоя, – проговорил он.

– Приветствую тебя, Оберон, – сказала принцесса.

Видно было, что Хлоя не рада этой встрече и уж точно хотела бы, чтобы она поскорее закончилась. Она бросила тревожный взгляд на солнце, и это не укрылось от глаз змея.

– Ты спешишь? – тихо прошипел он, показав раздвоенный язык и зубы, изогнутые как сабли. – Ты всегда спешишь. А ведь я тоже скучал по тебе, принцесса. Не меньше, чем эти глупые звери.

Лев еле слышно заворчал.

– Умолкни, Сириус, – сказал змей. – Все же нужно было проглотить тебя, пока ты был котенком. Теперь, пожалуйста, ты встанешь поперек горла...

– Зачем ты пришел, Оберон? – спросила Хлоя. – Что ты хочешь сказать мне?

– Ты удивишься, принцесса. Я хочу сказать, что рад тебя видеть. Ты еще немного подросла – или мне кажется? Ты стала такой красивой. Ты стала очень красивой девушкой,

Хлоя. Хотелось бы мне оказаться первым, кто скажет тебе об этом.

Мы бы ошиблись, если бы предположили, что принцесса осталась равнодушной к таким словам. Она смутилась и зарделась. Ей было приятно, хотя она и старалась не подавать виду. А еще она задумалась над последними словами Оберона: увы, но его желание уже сбылось. Никто за все эти шестнадцать лет не говорил ей ничего подобного. То есть никто из мужчин, подумала Хлоя, еще немного покраснев.

Неужели змей читал ее мысли? Его желтые глаза сверкнули торжеством, но Хлоя этого не заметила.

– О да, ты прекрасна, принцесса, – продолжал Оберон. – Но мне жаль тебя. Ты вернешься туда... в ваш темный мир... выйдешь замуж за мужлана-рыцаря с пивным брюхом... если только какой-нибудь развратный король не захочет сделать тебя своей игрушкой, слепой и беспомощной. Заметь: я не предполагаю, я предсказываю.

– Не хочу даже слышать об этом.

– И все же выслушай, Хлоя. Ты знаешь, что я не лгу. Наступает время выбора. Придет день, и остров Мечтания для тебя навсегда закроется. Ты же не хочешь остаться во тьме навеки? Там, в стране вечной смерти?

– Нет, – прошептала Хлоя.

– Это правильный выбор. Здесь твое место, принцесса. Здесь, со мной.

Лев зарычал опять, глухо и сердито.

– Спокойно, Сириус, – прошипел змей. – Я взял бы тебя на службу – сторожить наш дворец, да боюсь, ты не справишься. Уж больно ленив.

– Должно быть, ты шутишь, Оберон? – усомнилась принцесса.

– Про бездельника Сири? Или про дворец? Смотри же: вот он, там, на вершине горы. Он построен для тебя.

– Нет, Оберон. Я о другом. Я смотрю на тебя и вижу... то, что вижу. Твой хвост, твои крылья. Но я – человек. Я должна жить среди людей.

– Ты еще не знаешь силы моего волшебства, – отвечал змей горделиво. – Хочешь, я превращу тебя в крылатую змею? Твоя чешуя будет из чистого золота. А хочешь, мы оба станем драконами?

– Какая мерзость, – сказала Хлоя с отвращением.

– Это с какой стороны посмотреть... Впрочем, я могу пойти тебе навстречу. Я сумею по временам превращаться в человека, хоть это и скучно. Только не жди, что я сделаюсь безусым юнцом. Нет. Я буду старым и мудрым, как полагается древнему змию. Наша любовь будет медленной и умелой. Ты познаешь наслаждение, недоступное никому из смертных...

– Перестань! – воскликнула принцесса. – Это даже не смешно. Это глупо. Ты выжил из ума, Оберон.

Змей зашипел и заплевался, как масло на сковородке.

– Это не смешно, это страшно, – процедил он сквозь зу-

бы. – Ты забудешь дорогу сюда. Ты состаришься и все равно умрешь – немощной, слепой и несчастной. И это еще не самое страшное. Страшно то, что до самой смерти ты больше никогда не увидишь наш мир! Да и после смерти тоже!

Лев взмахнул хвостом и поднялся на лапы. Змей попятился.

– Остынь, Оберон, – сказала принцесса устало. – Мне противен твой вид. Твои глаза, твой язык, твой голос. Грешно даже слушать тебя.

Змей ухмыльнулся во всю пасть. Его раздвоенный язык затрепетал и убрался.

– Да что ты знаешь о грехе, – произнес он.

** * **

Ближе к вечеру небо над нашим островом нахмурилось, посерело, отсырело и наконец пролилось поганым холодным дождем. Дождь скоро кончился, но на дорогах остались лужи. Гулять не хотелось. Я сидел на диване с компьютером и читал про глазные болезни. В большой комнате телевизор рассказывал о проблемах мигрантов в Европе. Мне стало тоскливо. Я слез с дивана и пошел общаться.

Отец поднял на меня глаза. Молча указал на кресло рядом.

Он знает, что иногда он мне нужен, хотя обед я могу приготовить и сам.

– Что-то грустно, – сказал я.

Отец прищурился.

– Грусть – нормальное состояние человека, – ответил он. –

Для всего остального нужны стимуляторы.

Банка пива в его руке как бы подтверждала это.

– Утром было весело без всяких стимуляторов, – сказал я.

– Что ты опять натворил?

– Да ничего особенного. Помог красивой девушке. Ввернул лампочку. Изображал электрика.

– Да-а, – сказал отец. – Если бы у тебя были ключи от моего старого кадиллака, я бы их у тебя отобрал. Боюсь даже думать, что ты там ввернул бедной девице... электрик...

– Кажется, ее мама меня разоблачила.

– Тебя разоблачил бы даже слепой прадедушка.

– Кстати... – еще минуту назад мне не хотелось ему рассказывать о том, о чем хотелось рассказать больше всего. – Кстати, о слепоте... ты когда-нибудь дружил с кем-нибудь... ну, кто плохо видит?

Отец посмотрел на меня внимательно.

– Я не дружил, – сказал он. – Но у меня были такие знакомые. Я делал про них несколько репортажей. Ну, когда еще работал на ТВ. С ними трудно дружить, Дэн. Ты их не понимаешь и никогда не поймешь.

– Как же ты делал репортаж, если ты их не понимал?

– Это как раз нормально, – сказал отец и покосился на экран телевизора. – Чтобы врать, понимание не требуется.

Но вот если кто-то тебе действительно небезразличен... Тогда все становится тяжелее. И в первую очередь не для тебя. А для нее.

– Почему?

– Ты станешь для нее самым важным в жизни. А она для тебя нет. И это никак не изменить, разве что ослепнуть самому. Но на это мало кто готов пойти.

– Ты эгоист, папа.

– Это да. Прививку в детстве забыли сделать.

– Ну а если мне она очень нравится? Эта девушка?

Отец потянулся ко мне. Потрепал по затылку.

– Пора стричься, – сказал он. – Конечно, не как твоему другу Станиславу, но все же. Интересно, он тоже придумывает себе проблемы? У вас это возрастное?

– Я серьезно.

– Ладно. Ты сам напросился. Когда тебя через год заберут туда же, куда и Стаса, с кем останется твоя подруга?

– Она будет ждать, – сказал я.

– Ждать и надеяться? Ну и кто после этого эгоист?

Я задумался. Что-то во всем этом было неприятное. Но он опять был прав.

– Значит, все бесполезно? – спросил я.

– В сущности, да. Но это мое мнение. У тебя может быть другое.

Он поднялся с дивана. Откинул занавески. Распахнул балконную дверь. Прошел на застекленную лоджию и уселся на

табуретку. Предложил мне банку пива, я отказался.

Просто встал рядом.

На улице стемнело. По небу бродили тучи. Длинные грузовые причалы на той стороне канала осветились множеством фонарей. Со стороны залива прошел знакомый кургузый буксир. Мы проводили взглядами его ходовые огни – сперва белые, потом красные.

– Когда мы сюда въехали, этот дом был совсем новым, – сказал вдруг отец. – Представь: огромная пустая квартира. Ни из одной щели не дует. Даже лифт без надписей. Я был совсем мелким. Первую надпись, кажется, я и написал...

Он хмыкнул и глотнул из своей банки.

– И что это была за надпись? – спросил я.

– Да какая-то херня из области поп-музыки. То ли Metallica, то ли Ассепт. В общем, пометил территорию.

В полутьме мне показалось, что он краснеет.

– По-моему, все так начинали, – сказал я, чтобы сделать ему приятное.

– Начинали-то все одинаково. Закончили по-разному.

Он потянул воздух носом и умолк. Это была сложная тема, и, если ее продолжать, мы могли договориться до многих неожиданных вещей. Можно подумать, я не помню их разговоров с мамой на кухне, когда все думали, что я сплю. Я много чего помню.

Разговоры кончились тем, что мама уехала в солнечную Калифорнию – сперва на три месяца, потом еще на три, а

потом навсегда.

– Ты просто не понимаешь, Дэн, – говорит отец. – Шанс сбежать с этого острова дается один раз. Я буду рад, если ты перестанешь тупить и его используешь.

Это он про Калифорнию. Уехать туда для меня – пара пу-
стяков. По крайней мере, пока мне не исполнится двадцать
один. У матери есть вид на жительство. Достаточно просто
подать прошение на воссоединение семьи. Проблема в том,
что мама и ее новый Джейк – не моя семья.

– Ты не будешь рад, – говорю я. – Все кончится плохо.
Ты без меня сопьешься и когда-нибудь свалишься с этого
балкона.

Он сидит на своей табуретке сгорбившись.

– Может, и так, – говорит он, не оборачиваясь. – Это к
делу не относится. Подумай о собственной судьбе. Не трать
время на всякую ерунду. Я имею в виду и твою бедную дев-
чонку.

– Но она мне верит.

– Ты не ангел, чтобы в тебя верить. Ты небезгрешен. Ты
слишком долго сидишь в ванной – и я знаю зачем. Ты даже
как минимум один раз курил какую-то дрянь. Я заметил.

– Но я...

– Не продолжай. Ты не сможешь спасти всех, поэтому не
спасай никого. Будь эгоистом, Дэн. Это безупречная пози-
ция.

– Мне больше с ней не встречаться?

– Почему же. Встречайся... иногда. Не говори мне, что у вас все серьезно, я не поверю. Отмотайте назад и оставайтесь друзьями.

– А если я тебя не послушаюсь?

– Значит, влипнешь по уши.

– Как ты?

Он молчит. С хрустом сжимает пустую банку в руке.

– Вот именно, – говорит он. – Как я.

– Тогда прости. Я не буду ничего отматывать. Пусть идет как идет. Я не предатель.

Отец почему-то улыбается. Поднимается на ноги. Кладет руку мне на плечо:

– Да кто бы сомневался. Ладно... поиграем в унесенных ветром?

Он двумя пальцами держит пустую пивную банку над пропастью. Потом отпускает. Банку подхватывает ветер и уносит в темноту. Это наш хулиганский аттракцион: никогда не знаешь, на чей балкон прилетит подарок. Но играть так лучше ночью, иначе можно нарваться на неприятности.

Мы прислушиваемся. Вроде тихо.

– Дураки мы с тобой, – говорит мне отец. – И остров у нас дурацкий.

– Нормальный остров, – говорю я.

В своем телефоне я нашел три непринятых вызова. Один от Стаса и два – от Тани. Не один и не три, а именно два. С разницей в две минуты. Полчаса назад.

Я грустно улыбнулся. Я представил, как она набирает мой номер – по секрету от матери. Понимает, что я не слышу звонка. Повторяет вызов и оставляет попытки.

Она знает, что я почти никогда не снимаю наушники. Что она должна думать обо мне?

«Надо вернуться в реальность», – говорила она.

На часах почти полночь.

Ночью ее мир становится и вовсе беспросветным.

Я тронул экран.

– Алло, – сказала Таня очень спокойно.

– Привет, это я.

– Мама, я пойду к себе, если ты не против, – сказала она, прикрыв рукой микрофон, но я все равно слышал. – Нет. Да. Мама, перестань. Мне уже восемнадцать, между прочим. Нет, не жалеюсь... Не волнуйся, пожалуйста. Спокойной ночи.

Наверно, я сопел в трубку, потому что она проворчала – уже в мой адрес:

– И ничего смешного в этом нет.

– Можешь теперь говорить? – спросил я.

– Могу. Я уже в своей комнате. Я пришла сказать маме доброй ночи, а тут ты звонишь.

– Ты ходила к маме, взяв с собой телефон?

Таня помедлила.

– Он лежал в кармашке. У меня есть такой махровый халат, с кармашком.

Было бы неверным сказать, что я не был взволнован, когда я представил ее в этом халатике. Дальнейшее представление было опасным, и я решил сменить тему.

– Теперь твоя мама будет подслушивать, – сказал я.

– Нет. У нее слабый слух. Это профессиональная болезнь. Зато я слышу прекрасно. Такая вот никчемная компенсация от бога... я даже слышу, когда ей не спится. Когда она ночью ходит по комнате и смотрит в окно.

«Интересно зачем», – подумал я, но промолчал.

– Ты знаешь, что она мне сказала про тебя? – спросила Татьяна, посмеиваясь. – Что-то слишком моложав этот наш электрик, Леопольд Иванович.

– Я? Да... то есть моложав, конечно...

– А сколько тебе лет?

Я немного смутился и ответил.

– Так ты еще маленький... хорошо, тогда я буду с тобой старой и мудрой. Как сова. И тоже в очках.

– Тебе они идут, – сказал я.

– Не ври... и ты еще не знаешь, что сказала мама дальше. Она сказала: если ты сама позвонишь этому Леопольду Ивановичу, то он решит, что ты сумасшедшая дурочка. И будет слишком много о себе думать. Причем это касается всех мальчиков, а не только юных электриков... уж я-то, говорит, на них насмотрелась в школе, будь она неладна...

– И ты тут же позвонила?

– Ну вот. Она была права. Ты уже начал много думать о

себе.

– Почему?

– Я не собиралась звонить. Представь, что мне просто нужно было проверить телефон. Он же мог разрядиться к вечеру.

– Он не разрядится. Мы можем хоть всю ночь говорить.

– Всю ночь? Я никогда... ни с кем... не разговаривала всю ночь.

Я слышал, что Таня улыбается. Может, мне и не следовало наглеть, но все получалось само собой, и останавливаться не хотелось. Я улегся поудобнее.

– Это несложно, – заверил я. – Сейчас я тебя научу... поправь подушку и надень наушники. О чем будем говорить?

Таня пошуршала микрофоном.

– Расскажи мне о себе, – попросила она.

– Это скучно. Ты уснешь.

– Все равно расскажи. Если я буду засыпать, ты пожелаешь мне доброй ночи.

И тогда я рассказал ей о себе. Наверно, сейчас расскажу и вам, иначе никогда не соберусь. Это не слишком долгая история, послушайте.

Когда я родился, у моих родителей все было хорошо. Может быть, поэтому я и родился. Лет до десяти я думал, что так и будет всегда. Отец работал журналистом на телевидении, мама занималась международными связями в экономическом университете. Маме работа нравилась, а папе – нет.

Я долго не мог понять, как можно заниматься делом, которое не любишь. Но отец смеялся и ничего не объяснял. Только в шутку переозвучивал для меня те самые репортажи, которые делал сам, причем получалось гораздо интереснее, чем в оригинале. Особенно ему нравилось играть пьяных чиновников и депутатов. Он шикарно изображал очкастого депутата по фамилии Филонов – даже не помню, чем тот занимался на самом деле, но в папином исполнении он был анонимным вампиром, который очень хотел бросить свою пагубную привычку. Я смотрел на этот цирк и заливисто смеялся, а мама сердилась.

Потом на телеканале сменилось руководство и началась, как говорил папа, большая зачистка. Вместе с мусором выбросили и людей. Мне было тринадцать, и подробностей я не запомнил. Накануне мы ездили отдыхать в Грецию, где мне (и моим новым приятелям) больше всего нравилось подсматривать за девчонками в бассейне. Так что моя голова была занята многими интересными вещами, о которых я не стал рассказывать Тане, да и вам не скажу.

Оставшись вне штата, отец писал рекламные сюжеты и занимался, как он сам говорил, генерацией белого шума в соцсетях. Денег за это платили мало. Летом вместо Греции мы сидели дома. На второе такое лето мама забеспокоилась. И уже осенью отправилась в длительную зарубежную командировку. Вернулась она загоревшей и энергичной. Я никогда не расставался с ней больше чем на неделю, а тут ее не было

три месяца – и, когда она пару раз по ошибке назвала меня Джейком, я даже не удивился. Вот что было печальнее всего: я не слышал ни споров, ни упреков – не то что раньше.

Таня, услышав про это, спросила печально:

– Ты когда-нибудь читал Анну Каренину?

– Так, взял у отца и пролистал, – сказал я. – От нас не требовали.

– А я слушала диск. И плакала почему-то.

– Над чем там можно плакать? Там даже про поезд совсем мало.

– Ты еще маленький, не поймешь.

Я не обижался на такие слова. Зачем она вспомнила про Анну Каренину, тоже не вполне понял. Никакого романа из нашей тогдашней жизни не получалось. Вот в семье моего друга Стаса – это да, там кипели настоящие страсти. Чего стоила одна разборка между двумя его молодыми отчимами – с беготней, криками и гонками по ночным улицам на сильно подержанных иномарках. Помню, отец вышел на улицу с травматическим пистолетом и прогнал обоих. Вся Канонерка потешалась над этой историей, только Стас ходил красный как рак. Тогда мы с ним особенно сдружились.

Еще одну зиму мы с отцом прожили вдвоем. Это было даже занятно, потому что мать присылала деньги – такие, каких он никогда не зарабатывал сам. Помню, в новогоднюю ночь мы с ним выпили шампанского и он взялся озвучивать речь президента, но получилось несмешно, и еще было

неудобно за него – а может, просто мы оба поняли, что прошлое больше не вернется.

Впрочем, он и сам знал об этом.

Потом я пошел к Стасу, и мы до рассвета играли в танчики. Вот такой у нас получился Новый год, да и следующий был не лучше.

Потом я закончил школу (не приходя в сознание, как едко отмечал отец). И очень скоро занял высокопрестижную должность менеджера службы доставки электронных гаджетов, а проще говоря – курьера, в непосредственном подчинении у Игорька Трескунова по кличке Скунс.

Когда моя нехитрая история закончилась, я попросил Таню рассказать свою. Поначалу она не хотела, но я пригрозил обидеться. Наверно, это было немного жестоко.

Я узнал, что она была поздним и желанным ребенком, наверно, даже слишком желанным (так она сама сказала с грустью). Своего отца она никогда не знала. Мама-учительница никогда не рассказывала ей, кем он был. Вместо ответа она поджимала губы и меняла тему.

Свою дочку она очень любила – наверно, одну в целом свете. Эта любовь заменила ей весь мир. Правда, не принесла особого счастья никому, и особенно Тане.

Потому что лет в восемь или девять она понемногу начала слепнуть. Болезнь заметили поздно, время для операции было упущено. Ее пришлось перевести в интернат для слабовидящих. Это было невеселое место, к тому же интернат-

ские девчонки почему-то сразу ее невзлюбили. Воспиталки – те и вовсе называли ее высокомерной дрянью, а ее мать – старой ведьмой.

– Почему ведьмой? – спросил я.

– Она их предупредила, что... если со мной что-нибудь случится, то им несдобровать. Так и получилось. Заведующая на меня наорала однажды, а на следующий день сломала ногу. Так она потом всем рассказывала, что это мама наколдовала...

– Может, и правда наколдовала?

– Может, и правда.

В общем, Таня была даже рада, когда мать забрала ее из школы и стала заниматься с ней сама. Тогда ей было лет тринадцать.

Следующие пять лет прошли как будто в тумане. Сравнение было мрачным и точным. Ее зрение ухудшалось, и даже яркие сны она видела все реже, а когда видела – просыпалась и плакала.

Мне тоже стало грустно.

Таня ничуть не скучала по бывшим одноклассницам. Она училась дома, слушала радио и аудиокниги. Думала поступать в университет по особой льготной программе. Мечтала полазить по интернету, но ее старый ноутбук никак не получалось подключить (а может, мама и не торопилась это делать). Тогда она решила купить хороший мобильник с голосовым управлением. Тут и услышала рекламу нашей фирмы.

– Я с первого раза запомнила телефон, – сказала Таня.

– Да ты не оправдывайся...

Пока мы так беседовали, наступила глубокая ночь. Тучи сгустились над нашим островом, и только прожекторы на причалах разрывали темноту. Светлые пятна ползли по стенам. Так бывает, когда какое-нибудь большое судно проходит по каналу. Я слез с постели и подошел к окну. Длинный контейнеровоз, вышедший в ночь, бесшумно двигался в сторону залива. Темная вода расходилась волнами за его кормой.

– Ты не спишь? – спросила Таня.

– Нет. Смотрю на корабль.

Я уже рассказал ей, где мы живем, и она не удивилась.

– Ты мечтаешь плавать на таком корабле? – спросила она вдруг.

Наверно, она тоже умеет колдовать, подумал я. И уж точно владеет ясновидением.

– Не на таком, – сказал я. – Но это неважно. Я все равно не поступил в мореходку.

– Почему?

– Там обучение платное. А кредит отцу не дали. Он же не может указать источник доходов: Сан-Диего, Калифорния?

– Будешь поступать еще?

Я смотрел вслед контейнеровозу. В кормовой надстройке светились все окна, как будто она была пустая внутри. Наверно, там у них весело. Наверно, это всегда весело, когда

выходишь в рейс.

– Обязательно, – сказал я. – Только найду деньги.

– Какой ты молодец, – сказала Таня. – Вот у нас с мамой ничего никогда не получается... мы хотели получить грант на лечение, но и с этим ничего не вышло...

Внезапно мне стало стыдно за свое бахвальство. Но оправдываться было глупо.

– Что же вам сказали? – спросил я.

– Какую-то ерунду. Что я уже не ребенок. И что я просто мечтаю уехать за границу и выйти замуж. Вот и на здоровье, говорят. Только не за государственный счет.

– Что за дерьмо, – не выдержал я. – А для чего тогда вообще государство?

– Не злись. Я, например, не злюсь. Я верю, что чудеса иногда случаются. Одно ведь уже случилось.

– Чудо? Какое?

– Такое, как ты.

Я со всего размаху прыгнул на кровать. Пружины скрипнули. Один наушник вывалился из уха. И мне показалось, что я не расслышал слова, что она сказала мне после.

Тихо чертыхаясь, я воткнул наушник на место.

– Только не проси повторить, – сказала она. – У меня второй раз не получится.

– Таня, – перебил я. – У нас все будет хорошо. Я тебе обещаю.

В три часа ночи так легко стать добрым волшебником. На-

утро наши обещания сбрасываются в ноль. Но в ту секунду я и сам верил, что я всемогущий. Может быть, потому что мне в первый раз признались в любви, хотя я слушал вполнаушника и до сих пор не уверен, что это не приснилось.

* * *

За окном башни часы пробили восемь.

Принцесса Хлоя села на постели. Что за напасть: она никак не могла запомнить сон, который ей снился уже не впервые.

Кто-то звал ее неведомо куда, звал и очень огорчался, что она не идет. Вероятно, это был прекрасный принц на белом коне, наследник далекого королевства. Хотя, если судить по голосу – просто мальчишка, не старше Дафниса. Но не мог же ей сниться глупый Дафнис?

Увы, рассмотреть зовущего никак не получалось.

Кажется, он протягивал ей руку, чтобы посадить впереди себя на лошадь. Но тут – во сне – принцесса вспоминала, что ничего не видит. И промахивалась. Топот копыт затихал вдали, не слышен был и голос.

Ее сердце готово было выскочить из груди. Она даже не услышала, как вошла мать.

– Что с тобой, моя милая? – спросила королева.

Дочка не ответила. Окунула руки в медную миску с водой. Смыла слезы. Соскочила с широкой своей кровати и подбе-

ожала к окну.

– Не ходи босиком, – запоздало окликнула мать.

Принцесса и не думала слушаться. Напротив, дернула вверх тугую оконную раму. В спальню ворвался ветер.

– Как чудесно пахнет цветами, – сказала Хлоя. – Скажи, мама, там тепло? Там солнце? Лужи уже высохли?

– Это всего лишь весна, – сказала королева. – Самая обыкновенная весна. В саду зацвели яблони. Немедленно вернись и надень туфли.

Дочка отступила от окна на пару шагов и вдруг одним движением сбросила ночную сорочку. И как ни в чем не бывало пропела:

– Скажи-ка, мама... правда же я красивая?

Королева испытала острое желание подобрать рубашку с полу, свернуть ее жгутом и хорошенько отстегать принцессу. Будь дочка зрячей, именно так она и поступила бы. А так, пожалуй, и рука не поднимется. «Грешно сердиться на бедняжку», – подумала мать. Но вслух сказала строго:

– Прочь от окна. Схватишь простуду или грудную жабу.

– Ты не ответила.

– Чтобы тебя назвали красивой, вовсе не обязательно показывать целому миру то, что ты сейчас показываешь.

Хлоя игриво прикрылась руками:

– Пусть целый мир подождет.

Мать усмехнулась. Подошла к принцессе, сунула ей в руки платье.

– Я уже говорила, в остроумии тебе не откажешь. Но ум и остроумие – не одно и то же. Самые смешные шутки мне приходилось слышать от нищих комедиантов на рыночной площади. А кое-кто дошучивался и до порки на конюшне.

– Мама, тебя тоже нужно записывать на восковые таблички. А лучше на мраморные.

Королева слегка поморщилась.

– Совсем забыла: твой юный друг, пастух Дафнис, вот уж битый час дожидается тебя во дворе. Кажется, он принес что обещал. У него в руках был холщовый мешок.

– Так что же ты молчишь, мама! – воскликнула Хлоя (на взгляд матери, излишне горячо). – Пусть скорее зайдет.

– Теперь настала моя очередь шутить, – сказала мать. – А что, если я прикажу не пускать его дальше порога?

– Но мама... ты же не думаешь, что он может быть опасен? – Хлоя даже рассмеялась. – Это же первый дурачок во всей деревне. Но мне нужны эти его таблички. Ты и сама будешь рада, когда я снова смогу писать и читать.

– Я буду еще больше рада, когда этот дурачок наконец попадет в солдаты, – сказала королева. – Ты выйдешь во двор и заберешь то, что он принес. И тотчас же прогонишь его прочь.

– Это невежливо, – надулась Хлоя. – Вспомни: мы играли целыми днями, когда были детьми.

Королева еще больше нахмурилась.

– Боюсь, детей его возраста интересуют совсем другие

игры, – возразила она. – Самое большее, на что я соглашусь, – пусть отправляется на кухню и поест там. Думаю, этот бродяга будет только рад. Но я попрошу проследить, чтобы он не лазил со своим мешком к нам в кладовую!

– Спасибо, мама, – просияла Хляя. – Первое, что я напишу, – это слово «merci» для тебя!

Королева слегка смягчилась.

– Можешь пропустить первый завтрак, – сказала она. – Но большие никаких поблажек. Я делаю это только потому, что...

Тут она осеклась.

– Потому что тебе меня жалко? – спросила дочь.

– Потому что он дурачок, – ответила мать. – Он даже не поймет, как ты прекрасна.

«Неужели я сказала это вслух?» – подумала королева.

* * *

Дафнис переминался у дверей и насвистывал веселую песенку. Принцесса улыбнулась, что-то припомнив. Потянула за ручку и приоткрыла тяжелую дверь. Гость проскользнул внутрь.

– Пол холодный, – пожаловался он.

– Просто кто-то не заработал на башмаки, – отвечала Хляя.

– Не дразнись. Думаешь, если принцесса, так тебя и не

тронь?

Кажется, дерзкий пастушок дополнил свои слова действием – в полумраке галереи было не видно, каким именно. Принцесса хихикнула и шлепнула его по рукам.

– Дурак, – сказала она. – Когда же ты поумнеешь?

– Не знаю. Мне и так нравится.

Они уселись на лавку под окном и принялись болтать ногами и болтать о пустяках. Тот, кто посмотрел бы на них сейчас, принял бы их за обыкновенных крестьянских подростков, беззаботных и недалеких. Этот наблюдатель усмехнулся бы и пошел прочь по винтовой лестнице, решив, что у него есть дела поважнее. Хлоя прислушалась. Толкнула Дафниса локтем.

– Ушла, – сказала она только одно слово.

Парнишка повернулся к ней, и в полутьме она ласково провела кончиками пальцев по его лицу – по носу, губам и подбородку.

– Милый Дафнис, – сказала она. – Тебе пора бриться. Иначе твои овечки могут принять тебя за барашика.

Дафнис даже фыркнул от смеха.

– Быстрее бегать будут, – сказал он.

– Ой, доиграешься, – вздохнула принцесса, стараясь говорить по-простонародному. – Отдадут тебя в солдаты, будешь знать.

– Ничего, везде люди живут, – отозвался пастушок.

– Дафнис...

– Да, Хлоя...

– Если тебя не будет, с кем я смогу поговорить вот так?

– Не думай об этом, Хлоя... тут ведь ничего не поделаешь. Ведь я простой пастух, а ты – принцесса. Мое место в овечьем хлеву, а твое – в замке.

– Зачем мне этот замок? Я его даже не вижу. Если бы ты мог понять, как я здесь несчастна, Дафнис.

– Так объясни, Хлоя... вдруг я пойму...

Но принцесса не стала ничего объяснять. Просто взяла его руки в свои, а губами почти неощутимо прижалась к его губам. В галерее воцарилась тишина.

Наконец Дафнис одним рывком высвободился, сделал движение и тут же снова получил по рукам.

– Прости, Хлоя, – сказал он.

– Это ты прости. Сиди спокойно. Вот здесь, рядом.

Дафнис послушно сел. Принцесса продолжала:

– Мне иногда кажется: вот если бы ты мог однажды превратиться в прекрасного принца... на белом коне... ты забрал бы меня отсюда, и...

– И что тогда, Хлоя?

– И, возможно, мы смогли бы любить друг друга... где-нибудь в далеком королевстве.

– А сейчас? Сейчас – скажи, Хлоя, – разве ты меня не любишь?

– О нет, Дафнис... я не готова ответить.

– А если я спрошу получше?

С этими словами негодный мальчишка протянул свои длинные руки к принцессе и изо всех сил прижал ее к себе. Очень неловко и неумело, что бы там он ни болтал про деревенских девчонок. Принцесса хотела воспротивиться, но это было не так-то просто... как вдруг Дафнис отпрянул и спросил с испугом:

– Что это у тебя с рукой?

Хлоя окаменела.

– Тебе не надо этого знать, – сказала она. – Но, если угодно, у меня в рукаве спрятан ключ.

– Он от твоей спальни? Вот бы мне такой.

Хлоя только головой покачала. Она поняла, что отделаться от этого наглеца будет не так-то просто. Но она поняла не только это. Она вдруг подумала, что волшебный ключ слишком тяжел для нее одной. Ей вдруг до смерти захотелось поделиться с кем-нибудь своей тайной.

Король Ричард предупреждал, что однажды такое случится. Но в детстве она слишком часто пропускала его слова мимо ушей.

Она высвободила руки:

– Если ты пообещаешь молчать, я расскажу тебе кое-что.

– Клянусь, я буду нем как могила, – пообещал Дафнис, чьи глаза так и светились от любопытства.

– Это фамильная реликвия. Мое единственное наследство.

– Ключ от сундука с золотом? Вот это здорово. Давай как-нибудь туда залезем?

– Нет, Дафнис. Это ключ от двери, которая ведет на волшебный остров. Я назвала его «остров Мечтания». А вот отец когда-то говорил, что это ключ от Эдемского сада... Понимай как хочешь.

– Какой остров? Какой сад? Тот, про который бормочут монахи? Не обманывай меня, принцесса. Нету никаких райских садов. Все эти сказки господа придумали для нас, крестьян, чтоб мы работали и не бунтовали.

– Я не стану тебе объяснять. Ты все равно не поверишь. Нужно иметь большие воображения, чтобы поверить... а у тебя в голове совсем другое...

«И в этом ты очень убедителен», – закончила она про себя.

– Опять ты дразнишься, – обиделся Дафнис. – Вот отберу у тебя этот ключ, и ничего ты мне не сделаешь.

Он протянул руку и даже пальцами пощелкал, чтобы принцесса услышала. Тогда Хлоя рассмеялась. Она очень цепко схватила Дафниса за загривок, принагнула голову и награждала тумаками до тех пор, пока он не запросил прощения.

– Уф-ф, – сказала принцесса. – Какой ты все же лохматый. Точно барашек. Может, тебе пора вернуться к своим овечкам?

Теперь Дафнис напал на Хлою. Принцессу было очень

удобно держать за длинные волосы, небрежно собранные в косу, – при этом нападавший не забывал следить, чтобы жертве не было больно. Так они пыхтели и боролись на деревянной лавке, пока наконец ключ не выпал из рукава платья на каменные плиты. Прощально прозвенел и немедленно завалился в самую темную щель.

– Теперь мне его никогда не найти, – огорчилась принцесса. Она готова была разрыдаться.

Дафнис молчал. Он видел, куда упал ключ. Но не спешил говорить.

– Отведи меня в этот свой рай, Хлоя, – попросил он. – Вот я и проверю, правда ли в нем лучше, чем... когда ты меня обнимаешь...

Комплимент был неуклюжим, но у Хлои отчего-то замерло сердце. Остановилось и застучало снова еще сильнее.

– О боже, Дафнис, – сказала она, – какой ты...

– По-вашему надо говорить «в твоих объятьях»?

– Именно так, Дафнис. Но я запишу точно как ты сказал... на память. На восковой табличке. Ты ведь принес их?

Дафнис полез в мешок и достал искомое.

– А я напишу еще короче, – пообещал он.

– А ну-ка?

Дафнис вытащил откуда-то бронзовый стилус и нацарапал что-то на воске самыми крупными печатными буквами:

Хлоя провела по воску подушечками пальцев. Прошептала что-то беззвучно, словно читала вслух. Ее длинные ресницы дрогнули.

– Ты до сих пор пишешь слова с ошибками, – прошептала она. – Я плохо тебя научила тогда, в детстве. А теперь уж и не исправись.

– Все можно исправить, – сказал Дафнис. – Просто напиши, как надо.

Принцесса Хлоя улыбнулась его хитрости. И взяла в руки стилус.

** * **

Когда принцесса с Дафнисом залезли в волшебный шкаф, парень едва не пожалел, что напросился на это приключение. В полной темноте он был еще более слеп, чем Хлоя. Бедный пастушок не выпускал принцессину руку. Он весь похолодел и вздрагивал от каждого шороха.

Хлоя понимала, что с ним происходит. Шесть лет назад она вот так же впервые вошла в этот шкаф, сжимая в руке ключ – подарок короля Ричарда. Впрочем, детское любопытство победило страх. Тогда она еще не знала, что больше никогда не увидит отца.

– Не бойся, – сказала принцесса своему другу. – Здесь ни-

кого нет, кроме нас. Даже мышей нет.

– А почему... почему ничего не делается? Что-то не так?

Хлоя умолчала о том, что не знает ответа. Когда-то отец рассказывал удивительные вещи про этот шкаф. Он говорил, что дорога в райский сад открывается не всем. Эта дверь как будто сама выбирает, кого пропускать, а кого нет. И выбирает очень придирчиво. Да и это еще не всё. «Ты можешь оказаться внутри и никуда не выйти – ни туда, ни сюда», – говорил король Ричард. «А потом в шкафу найдут скелет?» – пугалась маленькая принцесса. Но отцу находить скелетов в шкафу не доводилось.

– Может, вернемся? – спросил Дафнис не очень-то твердым голосом.

Принцесса вновь промолчала, только сжала его холодную ладонь. Не могла же она сказать ему, что вот только сейчас незаметно толкнула входную дверь – и та не поддавалась, хотя никто ее не запирает.

О чем же еще говорил отец? Она забыла. Было еще одно условие, которое в десять лет не показалось ей важным. Нужно постараться вспомнить. Иначе... даже думать не хотелось о том, что может случиться иначе.

– Ты знаешь, принцесса, – начал вдруг Дафнис, – если нас найдут тут вдвоем, будет не слишком-то весело. Особенно для меня. Ох, как меня выдерут. А как бы и не что похуже... И уж точно забреют в рекруты в первый же набор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.